УДК: [008+37]”18/19” DOI: 10.12737/22690

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ручин В.А[1]

На рубеже XIX–XX веков российское общество характеризуется потерей солидарности. На фоне острого идеологического противостояния социальное взаимодействие порождает бесконечно меняющиеся дискурсы, неопределенность и риск. Незавершенность реформ, разорванность образовательного пространства, деформация мировоззренческого сознания и утрата единства культурного пространства становятся основаниями цивилизационной катастрофы. Институциональный аспект предреволюционных событий состоял в том, что этапы институциализации новых политических институтов не пройдены, а политическая элита не смогла преодолеть идеологические стереотипы.Статья посвящена исследованию социокультурной специфики дисфункций социальных институтов культуры и образования в контексте разрушения социального порядка. Содержание статьи сфокусировано на концептуализации понятий, характеризующих предреволюционное состоянием социума.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» № 15-33-12009.

Ключевые слова: культура, образование, институт, социальный порядок, социокультурная специфика.

CULTURE AND EDUCATION IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES: AN INSTITUTIONAL ASPECT

RUCHIN V.A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Social Anthropology and Social Work, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin (Russian Federation, Saratov), e-mail: vladimir.ruchin@mail.ru

At the turn of centuries the pre-revolutional situation in Russia was characterized by the loss of social solidarity. Against the background of an acute ideological confrontation social interaction generates varying discourses, uncertainty and risk. Incompleteness of reforms, fragmentation of educational space, deformation of philosophical consciousness and loss of united cultural area become the bases of civilizational collapse.The institutional aspect of pre-revolutionary events was in the fact that the stages of institutionalization of new political institutions fail, and the political

Ручин Владимир Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, адрес: 410054, Россия, Саратов, ул. Политехническая, д.77; e-mail: vladimir.ruchin@mail.ru

elite could not overcome the ideological stereotypes.The article is devoted to the study of sociocultural specifics of disfunctions of social institutes in culture and education in the context of destruction of social order. The article content is focused on the conceptualization of notions that relate to the pre-revolutionary state of society.

The work was done with the financial support of RFH, project «Russia in 1917: institutional resources, social risks, and the collapse of civilization» (№ 15-33-12009)

Keywords: culture, education, institute, social order, sociocultural specifics.

Рубеж XIX–XX веков для России стал началом перехода от одних базовых ценностей к другим. Если в прошлом в схожих ситуациях широкие народные массы только выражали социальный протест, отдавая право решать свою судьбу правящему классу, то в новых условиях народ был активно вовлечён в институциональные преобразования.

Процесс деформации социальной системы, алгоритм разрушения прежнего облика российской цивилизации – объект нашего исследования, цель которого состоит в анализе социокультурной специфики дисфункций социальных институтов культуры, образования и на этой основе – в раскрытии причин институциональных рисков[1]. Концептуализация ряда важнейших понятий, связанных с состоянием социума, представляет, на наш взгляд, необходимый аналитический этап исследования.

Согласно теории Т. Парсонса, обращённой к социальному порядку, понятие «социальная система» как система интеракций отражает множество действующих лиц, акторов, взаимодействующих друг с другом, а «их отношение к ситуации, включая отношение друг к другу, определяется и опосредуется системой общепринятых символов, являющихся элементами культуры»[2]. Понятие «культура» в рассуждениях американского мыслителя приобретает черты категории, раскрывающей устойчивую связь символического и социального, а понятие «отдельный индивид» с точки зрения структурно-функционального анализа раскрывает особенности освоения элементов культуры, норм поведения и ценностей в целом. В этом случае становится особо значимым понятие «образование», понимаемое в социальном контексте.

Процесс образования в широком смысле означает обучение как «включение стандартных элементов культуры в систему действия отдельного индивида»[3]. Этот процесс одновременно есть совокупность образовательных практик. Важно подчеркнуть, что «обучение системе культурных стандартов действующего лица и её существование не могут быть поняты без анализа мотивации в конкретных ситуациях не только на уровне теории личности, но и на уровне механизмов социальной системы»[4]. В основе мотивации лежит баланс удовлетворённости, задаваемый ценностями как критериями. Таким образом, становится очевидным регулятивная роль института образования и единого образовательного пространства в поддержании социального порядка.

Культурная система или культура как таковая через образование, религию, семью способствует сохранению солидарности в обществе и связи отдельного индивида и

[1] Устьянцев В.Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук. Изд. Сарат. ун-та. Нов. сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16, вып. 2. – С. 165–169.

[2] Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность, и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М., – 1996. – 1996. С. 462–478.

[3] Там же.

[4] Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Вып. 2. – С., С. 462–478.

социальной системы посредством единых стандартов, определяя при этом потребности и установки, положенные в основу социальных действий. Следуя этой логике, при оценке любой исторической ситуации, в нашем случае предреволюционных событий в России, необходимо исходить из того, что «интеграция целостной системы действия» даже в условиях стабильности всегда является неким компромиссом, в результате которого интеграции как идеала, в его совершенном виде, достичь невозможно. Известно, что в период нарастания политической нестабильности консенсус на всех уровнях общества утрачивается, что ведёт к разрушению социетальной общности.

Основанная на ценностях, сложившихся в ходе многовекового отбора, культура выступает не только как институт, но и как одна из важнейших координат социального действия. Более того, культура как символическая система актуализирует образование, близкое по ценностному спектру ей самой. Культура и образование как феномены, обладая ценностным измерением, по существу тождественны[1]. С точки зрения исторической перспективы единство образования и культуры способствует синтезу рационального и духовного. В этом непрерывном синтезе присутствует творческое начало социального мира, постоянно воссоздающееся, воспроизводящееся[2] отдельными индивидами. Пространство и время не властны над такой антропологической закономерностью, так как не могут ограничить сущность человека, постоянно обращённого к культурному производству, которое способствует возрождению и идентификации человека в определённой культуре.

Вместе с образованием и религия как вид культуры постоянно воспроизводится в обществе, подтверждая антропологический контекст человеческой истории. Именно поэтому духовная жизнь и деятельность есть процесс постоянного воспроизведения универсального, а универсальность проявляется в способе самовыражения человека, в интенции, и именно интенция придаёт культуре как родовому понятию опережающий характер по отношению к видовому понятию «образование».

Подчеркнём, что культура создаёт равные условия для всех людей, естественным образом нуждающихся в идеале. Такое равенство[3] демонстрирует универсальность культуры, следующей метафизическим установкам творчества ума и души. Однако подчеркнём, что культура и религия, ориентированная на сакральные установки, вместе с тем – явления социальные. Образование, как производное от культуры и религии, в узком смысле – область идеального бытия, где человек совершает волевые рациональные акты, поддержанные духовным потенциалом. В широком смысле образование имеет социальный аспект, выраженный посредством культурного пространства мотивацией социального действия.

В отличие от сферы образования как интегрирующей общество совокупности идей, система образования есть иерархическая структура различных организаций, то есть реальность, исторически актуальный компромисс индивидуального и коллективного, личного и общественного. Через направленные на социальное конструирование акты мышления и одновременно социальные интеракции человек на основе постоянно обновляемых представлений и установок осуществляет сближение внутреннего и внешнего миров, таким образом участвуя в социальном творчестве. Господствующие в сфере образования идеи

---

[1] См.: Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982.

[2] Шеллинг Ф. В. Й. Об отношении реального и идеального в природе // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: В 2 т. – М., – 1987. – Т. 2. С. – 96.

[3] См.: Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993.

выступают как интенциональные бесконечности[1], непрерывно структурирующиеся в мировоззренческие установки, что помогает отдельному индивиду встать на путь обновления[2], а обществу – вновь и вновь формировать культурное пространство. В этих условиях и создаются способ и среда социальных коммуникаций, основанных на идеальном нормировании жизни. Следовательно, многообразие человеческих субъективностей создаёт социальную реальность посредством индивидуальных и групповых мотиваций. Этот способ «освоения бесконечного поля задач»[3] по сути есть непрерывный процесс творческой деятельности, в основе которой имманентно осуществляется переход от идеального к конкретному или, иначе, от символического к социальному миру.

Таким образом, повседневность в образовании представляет форму деятельности, выраженную набором социальных практик. Совокупность таких практик, как известно, представляет собой социальный институт, в рамках которого происходит революционизирование всего культурно-творящего способа существования общества. Институциональный аспект образования есть опривычивание социальных норм и практик, сводимых к структурированию нормативного порядка, «посредством которого организуется коллективная жизнь. Как порядок, он содержит ценности, дифференцированные и специфицированные нормы и правила, причем только соотнесенность с культурой придает им значимость и легитимность»[4], вследствие чего система культурных и знаковых символов выступает скрепляющим и легитимирующим элементом общества.

Очевидно, что образование как сплачивающий общество институт должно иметь во всех элементах единую культурную ориентацию хотя бы потому, что является основой культурной идентичности. Разновекторность образования будет воспроизводить противоречивые идентичности, дезинтегрировать и разрушать социальную среду. Таким образом, институт образования призван легитимировать массовые образовательные практики в соответствии с институциализированным порядком общества[5].

Следует особо подчеркнуть, что процесс легитимации растянут во времени, необходимом для формирования типообразующих характеристик, детерминированных социокультурной спецификой и экономической реальностью. Инертность социума зависит от уровня динамики социального взаимодействия или коммуникации. Коммуникация как различение «…информации, сообщения и понимания осуществляется лишь тогда, когда можно синтезировать эти три аспекта. В отличие от простых восприятий поведения, в основу понимания должно быть положено различение акта сообщения и самой информации»[6]. Длительность процесса институциализации зависит от степени взаимопонимания в обществе, достигнутого в исторически протяжённом периоде. Таким образом, форма социального взаимодействия «зиждется на описанных конструктах, при помощи которых понимается «’’другой’’ и модель действий вообще»[7]. А потому уровень общественного согласия,

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 105.

[4] Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 102.

[5] Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 102.

[6] Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А. О. Бороноева. – СПб.: Петрополис, 1994. — С.30.

[7] Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 135.

построенного на единых культурных установках, прямо влияет на процесс учреждения социальных институтов.

Понятие «институциализация» отражает многомерный процесс, который может быть разделён на качественно отличные этапы, из которых первый – предварительный. В ходе его зарождаются определённые культурные, социальные и экономические условия, начинается процесс типизации, финалом которого является возникновение социальных групп, наделённых общественными ценностями. Сущность этих ценностей – в реакции на исторически складывающиеся потребности общества. Второй этап – это так называемая объективация, выраженная в сигментации социума на основе легитимации культурных символов, норм и правил. В ходе культурной легитимации общество становится самодостаточным при условии, когда ценности начинают разделяться его членами, а социальные институты легитимизироваться ценностями культуры. Отметим, что согласие в обществе достигается благодаря соответствию и «другим компонентам культурной системы, в особенности её конститутивному символизму»[1]. Таким образом, завершение второго этапа происходит, когда социальный институт становится реально действующим и признаваемым в «социальном мире». Суть третьего этапа состоит в легитимации социального порядка, что подтверждается историчностью процесса институциализации, когда социальный институт выходит за рамки одного поколения, а значит имеет перспективу долговременного воспроизводства социальных смыслов. Следовательно, процесс институциализации – это достаточно долговременный процесс зарождения на основе освоения ценностей новой социальной реальности или, иначе, устойчивого социального порядка. Таким образом, социальные системы, представленные «состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами»[2], стремятся к долгосрочному равновесию не только на основе универсальных ценностей, но и в течение исторически заданного времени.

В чём же состоит социокультурная специфика предреволюционного периода России рубежа XIX–XX веков? Прежде всего – в дезинтеграции европеизированной частью[3] всего российского общества, которое перестаёт быть самодостаточным. Социальные действия акторов осуществлялись на фоне острого идеологического противостояния и критики традиционных ценностей, тесно связанных с культурным кодом цивилизации[4]. Общественное сознание находилось в пространстве бесконечно меняющихся дискурсов, порождённых неопределенностью и риском. Разрушение социального порядка выражено рядом причин, а именно: амбивалентностью национальной культуры; незавершенностью модернизации; разорванностью образовательного пространства; мифологизацией[5] мировоззренческих представлений; утратой единства культурного пространства страны. Дисфункция образования проявилась в вопиющей безграмотности широких народных масс, в разновекторности процесса социального обучения, в сословности образовательных практик. В силу указанных причин взаимопонимание власти и народа подходит к опасной черте, после которой и народ, и

[1] Островская Е.А. Концепции институциализации в германской теоретической социологии второй половины XX века // Вестник РУДН, серия Социология. – 2003. – №1 (4). – С. 22.

[2] Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М., Аспект Пресс, 1998. – С. 18.

[3] См.: Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М. – СПб: Центр Гуманитарных Инициатив, Университетская книга, 2015. – 336 с.

[4] Ручин В.А. Синтез культурных кодов в эпоху глобализации: Россия и Китай // Вестник СГТУ. – 2013. – №2 (70). – Вып. 1. – С. 220–226.

[5] См.: Хабермас Ю. От картины мира к жизненному миру / Habermas J./ Von den Weltbildern lebenswelt – М.: Идея-Пресс, 2015. 2-е изд. – С. 128.

власть начинают жить по отдельным сценариям. В этой ситуации управление могла взять любая сила, которая встала бы на сторону большинства.

Институциональный аспект предреволюционных событий состоял в том, что не только страна не успела пройти различные этапы институциализации новых политических институтов, но и политические лидеры не смогли полностью усвоить новые ценности. Общество в целом не понимало надвигающейся катастрофы, тревожным сигналом которой бы разгон Учредительного собрания, а восстановить адекватное восприятие действительности не позволяло отсутствие сформированной единым образовательным пространством социальной группы. На этом фоне внутри страны господствуют экономическая, национальная и религиозная неоднородность общества, незавершённость модернизации страны, мультиплицировавшей социальные, экономические и культурные риски, а потому рубеж XIX–XX веков для России стал началом коллапса социальной системы.

Бесспорно, общественное сознание, находясь в состоянии паники и духовного надлома, вело поиск будущей модели развития, но политическая элита и, прежде всего, представители аристократии, находясь в плену стереотипов, утратили целостное представление о национальном контексте и собственноручно разрушили скрепляющие общество идеалы. На этой почве возникли новые смыслы, порождая веер идеологических интерпретаций. Мифологизированная риторика о судьбах России превратилась в рассеянную по всему политическому регистру завесу идеологических подходов. Впоследствии, с утратой монархической власти, прерывается легитимный путь развития российской цивилизации. Институциональная структура общества под воздействием противоречий попадает в полосу турбулентности. Резонанс внешнего и внутреннего факторов наступает в момент первой мировой войны, запустившей на фоне уже сложившейся дисфункции институтов культуры и образования разбалансированность социального порядка.

Таким образом, ситуация рубежа веков представляла многообразие форм транзитивности, проявившихся в потере обществом здорового чувства истории, а затем и в хронической неустойчивости политического ландшафта. Усугубляло ситуацию то, что в условиях нарастающего насилия политическая элита продолжала переживать утопические идеи правового порядка. Это делало российское общество уязвимым к воздействию радикальных сил, предлагавших упрощённые решения, а русский народ, утративший управление и прежний общественный идеал и отстранённый элитой от его формирования, был готов признать упрощённую модель будущего.

Библиография/ References:

1. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 105 – 124.

2. Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. Вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.

3. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А. О. Бороноева. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 25 – 42.

4. Островская Е.А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX века // Вестник РУДН, серия Социология. – 2003. – №1 (4). – С. 104 – 105.

5. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность, и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М., 1996.

6. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Вып. 2. – М., 1993.

7. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

8. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М., СПб.: Центр Гуманитарных Инициатив, Университетская книга, 2015. – 336 с.

9. Ручин В.А. Синтез культурных кодов в эпоху глобализации: Россия и Китай // Вестник СГТУ. – 2013. – №2 (70). – Вып. 1. – С. 220 – 226.

10. Устьянцев В.Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16. – вып. 2. – С. 165 – 169.

11. Хабермас Ю. От картины мира к жизненному миру. 2-е изд. – М.: Идея-Пресс, 2015.– 128 с.

12. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

13. Шеллинг Ф. В. Й. Об отношении реального и идеального в природе // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: В 2 т. – М. – 1987. – Т. 2. – 636 с.

14. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129 – 137.

1. Gusserl', E. (1986) Krizis evropeiakogo chelovechestva i filosofiia [The crisis of European humanity and philosophy] // Voprosi filosofii [Questions of philosophy]. – № 3. – P. 105 - 124. (In Russ.)

2. Leibnits, G.–V. (1982) Sochinenie v chetirioh tomah [Works in four volumes]: T. I / Red. i sost., avt. Vstupit. stat'i i primech. V. V. Sokolov; perevod Ia. M. Borovskogo i dr. –M.:Mysl'.–636 p.(In Russ.)

3. Luman, N. Poniatie obcshestva [The concept of society] (1994) // Problemy teoreticheskoi sotsiologii [Problems of theoretical sociology] / Pod. red. A. O. Boronoeva. – SPb.: Petropolis, – P. 25 – 42. (In Russ.)

4. Ostrovskaia, E.A. (2003) Kontseptsii institutsionalizatsii v germanskoi teoreticheskoi sotsiologii vtoroi poloviny XX veka [Concept of institutionalization in the German theoretical sociology of the second half of the XX century] // Vestnik RUDN, seriia Sotsiologiia. – №1 (4). – P. 104 – 105. (In Russ.)

5. Parsons, T (1996) Sistema koordinat deistviia i obshchaia teoriia sistem deistviia: kul'tura, lichnost', i mesto sotsial'nykh sistem [Action coordinate system and the general theory of action systems: culture, identity, and place social systems] // Amerikanskaia sotsiologicheskaia mysl'. – M. – P. 462 – 478. (In Russ.)

6. Parsons, T. (1993) Poniatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniia [The concept of society: the components and their relationships] // THESIS: teoriia i istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem [Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems]. Vyp. 2. – M. – P. 94 – 122. (In Russ.)

7. Parsons, T. (1998) Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies] / Per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva. Pod red. M.S. Kovalevoi. – M.: Aspekt Press.– 270 p. (In Russ.)

8. Pivovarov, Iu.S. (2015) Russkoe nastoiashchee i sovetskoe proshloe [Currently Russian and Soviet past]. – M., SPb.: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, Universitetskaia kniga. – 336 p. (In Russ.)

9. Ruchin, V.A. (2013) Sintez kul'turnykh kodov v epokhu globalizatsii: Rossiia i Kitai [Synthesis of cultural codes in the era of globalization: China and Russia] // Vestnik SGTU. – №2 (70). – Vyp. 1. – P. 220 - 226. (In Russ.)

10. Ust'iantsev, V.B. (2016) Kontsept riska v problemnom pole sotsial'nykh nauk [The concept of risk to the troubled field of social sciences] // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia

Filosofiia. Psikhologiia. Pedagogika. – T. 16. – vyp. 2. – P. 165 – 169. (In Russ.)

11. Khabermas, Iu. (2016). Ot kartiny mira k zhiznennomu miru [From picture of the world to the life world]. – M.: Ideia-Press. – 2-e izd. – 128 p.

12. Khaidegger, M. (1993) Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia [Time and Being: Articles and Speeches]. – M.: Respublika. – 447 p. (In Russ.)

13. Shelling, F.V.J. (1987) Ob otnoshenii real'nogo i ideal'nogo v prirode [On the relation of the real and the ideal in nature] // Shelling F. V. I. Sochineniia: V 2 t. – M. – T. 2. – 636 p. (In Russ.)

14. Shiuts, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniia [Structure of everyday thinking] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. – № 2. – P. 129 – 137. (In Russ.)